

Такая вот любовь

«В подборке писем, посвященной 50-летию битвы под Москвой, я прочитал письмо О. Антоненковой (Гольдберг). Она сообщила о том, что на одной из фотографий военных лет, запечатлевшей эвакуантку на Киевском вокзале, узнала себя. В коротеньком письме ни слова о дальнейшей судьбе сандружинницы Оли Гольдберг. А судьба эта, на мой взгляд, исключительная.

Я хорошо помню, как в послевоенные годы на историческом факультете МГПИ имени Ленина учились несколько парней, потерявших на фронте зрение, помню, как все мы старались, чем могли, помочь им. Несколько девушек связали свою жизнь с этими мужественными, искалеченными войной людьми. Одной из них была Ольга Гольдберг. Сейчас, в год 50-летия начала войны, было бы интересно узнать, как сложилась ее судьба и судьба ее мужа Льва Антоненкова.

А. ШЕНКМАН.

...Я сижу в уютной гостиной. На столе домашнее варенье, вкусно пахнут горячие пончики. Ольга Львовна разливает по чашкам душистый чай, успевает ответить на мои вопросы, при этом привычно предупреждает желания мужа. Кажется, он еще только подумал, а она ближе подвинула сахарницу, подала ложку, подложила в опустевшую розетку варенья...

Они родились и выросли в разных городах. Лев Тимофеевич — в Геленджике, Ольга Львовна — в Москве, в крошечной полуподвальной комнатке на Арбате. До войны он с отличием окончил школу и поступил в Московский инженерно-строительный институт имени Куйбышева. Она едва успела получить аттестат зрелости, мечтала стать учительницей, но все планы были перечеркнуты 22 июня 1941 года. Как и многие молодые москвички, по направлению райкома комсомола Ольга стала сандружинницей. Работала в эвакуантке в приемно-сортировочном отделении для тяжелораненых на Киевском вокзале. Потом, когда враг был отброшен от стен столицы, добровольно ушла на фронт, стала зенитчицей.

Лев Тимофеевич окончил танковое училище, был командиром взвода. Освобождал Украину, Молдавию, Румынию. В первые дни мая 1944 года возле деревни Думбревице принял свой последний бой. В танк один за другим попали два снаряда. Погиб весь экипаж. Льву каким-то чудом удалось выбраться из горячей ма-

шины. Очнувшись только через два месяца в госпитале. Услышал рядом голоса, открыл глаза и... ничего не увидел. Понял, что ослеп.

Его на исторический факультет МГПИ приняли без экзаменов. От учебы в техническом вузе пришлось отказаться — какой из него теперь строитель.

Она же хорошо помнит вступительные экзамены через три месяца после демобилизации из армии. Самый трудный — по русскому языку. Взяла билет и ахнула: «Суффиксы!». Экзаменатор выслушал сбивчивый ответ, спросил придиричиво:

— Чем же вы занимались все это время?

— Воевала, — ответила она.

Он недоверчиво окинул ее взглядом, заглянул в документы — действительно воевала, ефрейтор. Вздохнув, посоветовал: «Подучить придется!»... и поставил четверку. Так осенью 1945 года Лев и Ольга оказались в одной группе на историческом факультете.

— И кто же из вас первым обратил на другого внимание? — спрашиваю я их.

— Я, конечно, — отвечает Ольга Львовна. — Лева был очень красивым. Высокий, светловолосый, стройный. До войны он увлекался плаванием, играл в теннис. И, став калекой, не замкнулся, был всегда веселым, жизнерадостным.

Между тем эта веселость и легкость самому Льву давались нелегко. Добраться от общезнания до института составляло проблему. На лекциях приходилось все запоминать на слух — ни читать, ни писать он не мог. Ведь в том бою он потерял не только зрение, но и

правую руку, а левая была покалечена.

— Не знаю, что бы я делал без ребят, — вспоминает Лев Тимофеевич. — У нас был удивительный курс. Почти все фронтовики. Они мне и помогли. Миша Буняев, Нина Карташова, Костя Тимирбаев читали вслух по вечерам: учебники и конспекты, писали под мою диктовку курсовые. Чаше других рядом оказывалась Оля. Она была старостой группы и вместе с Ниной Карташовой взяла надо мной шефство.

Постепенно стал выделять ее голос. Только он волновал его и тревожил. А Ольга с удивительным постоянством «шефствовала» над подопечным.

— Мне уже рассказали, что она хорошенькая, что у нее пушистые черные волосы, большие карие глаза, — с улыбкой говорит Лев Тимофеевич.

Пожились они в 49-м. Многие тогда сочувствовали ей.

— А я никого не слушала, — говорит Ольга Львовна. — Хотя жилось очень непросто: наш с мамой полуподвальчик на Арбате, вечная нехватка денег. Это уже потом Лева защитился, мы получили хорошую трехкомнатную квартиру. А тогда, в начале 50-х, я даже и подумать не могла, что стану женой профессора.

Диссертация создавалась так: она ездила с ним в библиотеку, помогала работать в архивах, писала под его диктовку.

— В Ленинской библиотеке специально для нас в одном из закутков даже стол оборудовали, — говорит Ольга Львовна. — Мне ведь приходилось читать вслух.

Все эти годы Лев Тимофеевич не оставлял надежды вернуть зрение — врачи утверждали: нерв цел. Он перенес множество операций. Последняя, в клинике академика М. Краснова, увенчалась успехом. Лев Тимофеевич вновь увидел мир через 32 года полной слепоты. Впервые увидел жену, ставших уже взрослыми дочерей Марину и Лену.

Это было наградой ему и ей. Ему — за веру и надежду, а ей — за любовь.

С. ЕРИСОВА.

МОСКОВСКОЕ ПРАВДО
МОСКОВСКАЯ ПРАВДА

7 4 СЕН 1991